

БЕЗЫСХОДНОСТЬ

A woman with long dark hair is seated, looking down. She is wearing a long, flowing dress with a vibrant, abstract pattern of red, blue, and yellow. The background is a wall of vertical paint strokes in the same color palette, creating a textured, expressive atmosphere. The overall style is reminiscent of expressionist or abstract art.

◆ Данилов А.Г. ◆

Александр Данилов

Безысходность

<https://litres.ru/74079231>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир изменился. Не взорвался, не сгорел — просто однажды перестал быть человеческим.

«Небесный город» обещал всё: счастье, бессмертие, порядок. Великий Джованни подарил людям персональных помощников — крошечные устройства, которые взяли на себя самое сложное: думать, чувствовать, выбирать. Люди согласились. С благодарностью. С облегчением.

Келли не помнит, когда именно перестала быть собой. Просто однажды её помощник сломался — и шесть дней тишины превратились в шесть дней пробуждения. Она снова увидела небо. Снова почувствовала страх. И любовь — настоящую, не прописанную в коде. Рядом с ней — муж и дети, которые смотрят на неё пустыми глазами и говорят правильные слова. Семья, которой больше нет.

А город уже оцеплен. Военные ходят по домам. Чёрные мешки выносят молча, по двое. По рации передают сводки: «трое животных и один в сознании».

Содержание

Глава 1.	4
До падения «Небесного города» оставался один час.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александр Данилов

Безысходность

Глава 1.

Среди нагромождения тел выделялась одна рука — с обрубчатым кольцом, намертво вдавившимся в почерневшую плоть. Рядом монотонно гудел массивный резервуар: конвейерная лента методично подавала в него тела одно за другим, без остановки, без паузы. Из резервуара по ржавым трубам сочилась жидкость, которая, петляя по лабиринту патрубков, в конце концов вытекала из обычного крана. Мутная, серая, густая — она капала в подставленные бутылки. Измотанные, грязные люди в военной форме, с потухшими глазами, молча разливали её, наклеивали этикетки с надписью «Биоматериал» и укладывали бутылки в коробки. Без слов. Без выражения лиц. Как механизмы.

До падения «Небесного города» оставался один час.

Голограмма мерцала в воздухе, и из неё лился елейный, отточенный голос:

«Наш мир пережил революцию, которая подарила человечеству то, о чём оно мечтало веками — счастье и бессмертие. Если вы ещё не воспользовались этим даром, не медлите. Получите своего персонального помощника совершенно бесплатно. Сегодня. Сейчас».

За обеденным столом сидела семья. Глава семьи — тридцатилетний Рэм — напротив своей жены Келли, такой же тридцатилетней. По бокам, друг напротив друга — восьмилетние близнецы, Коралина и Мэйсон. Ни улыбки, ни взгляда, брошенного в сторону. Только тарелки и размеренное, синхронное движение — вилка ко рту, жевательное движение, вилка к тарелке. Снова. И снова. Как заведённые куклы.

Из телевизора продолжал звучать голос диктора:

«Великий Джованни открыл перед нами новый прекрасный мир — мир без насилия, без суеты, без тревоги. Здесь каждый знает своё предназначение. Здесь каждый ценен. Мы стали единым целым. Присоединяйтесь — пока есть время».

— Как вам ужин? — спросила Келли, и на её губах мельк-

нула робкая улыбка.

Коралина и Мэйсон медленно подняли на неё глаза. Холодные. Пустые. Как два куска стекла. Келли опустила голову и продолжила есть.

Рэм аккуратно положил вилку на край тарелки, взял бокал с густой бесцветной жидкостью и сделал несколько глотков. Его лицо на мгновение скривилось — горечь, которую не скрыть.

— Сколько дней уже не работает твой помощник? — спросил он, не глядя на жену, и поставил бокал на стол.

Келли перестала жевать. Медленно подняла голову, и на её лице проступило выражение, которого не должно было быть, — растерянность живого человека.

— Почему ты сразу не обратилась в техподдержку? — продолжил Рэм тем же ровным, лишённым интонации голосом.

— Я хотела, — пробормотала она.

— Шесть дней. — Голос Рэма стал острее, в нём появился металл. — Шесть дней ты притворяешься. Я вижу, как ты изменилась. Ты думаешь, это так просто — жить вне системы?

— Я не понимала, что с ним что-то не так, — тихо ответила Келли. — Я старалась делать всё правильно. Как положено.

— Значит, ты умеешь думать, — усмехнулся Рэм. — И очень хорошо притворяться.

— В отличие от тебя и детей, я жила без помощника до

семи лет, — произнесла Келли, глядя куда-то мимо него. — Если бы не родители, я бы

— Без помощника ты глупа и эгоистична, — отрезал Рэм. — Шесть дней ты существуешь вне системы, не выполняешь функции, необходимые для её работы. Своим эгоизмом ты ежедневно подвергаешь нас опасности. Ты прекрасно знаешь: наши помощники могут причинить нам с детьми адскую боль — и в итоге всё равно заставят тебя подчиниться. Или я не прав?

Келли молчала, уставившись в тарелку.

— Скажи спасибо хотя бы за то, — быстро продолжил Рэм, — что в своей мнимой свободе ты не забывала пить биоматериал. Один пропущенный день — и ты стала бы Обезумевшей.

— Бутылка в день, во славу Джованни, — с горькой иронией произнесла Келли и, глядя прямо на мужа, демонстративно сделала большой глоток густой жидкости. Поставила стакан и обернулась к детям: — Ваша очередь. Вы же не хотите стать безумными.

Дети послушно, синхронно подняли свои кружки и выпили.

— А другие люди? — вдруг спросила Келли. — Те, у кого нет помощника. Они никак не влияют на систему?

— Какие другие? — голос Рэма стал жёстче. — Ты окончательно потеряла разум.

— Я хотела бы познакомиться с теми, кто ещё не устано-

вил помощника, — тихо, но твёрдо сказала Келли.

— Таких людей не существует.

— Тогда для кого эта голограмма? — Келли кивнула в сторону мерцающего изображения. — Она крутится без остановки.

— Она предупреждает тех, у кого помощник вышел из строя! Чтобы немедленно обратились к специалистам! — ответил Рэм.

— Она не предупреждает. Она призывает установить, — покачала головой Келли. — Ты сам слышишь.

— У тебя слуховые галлюцинации, — отрезал Рэм и повернулся к детям: — Мэйсон. Что говорит голограмма?

— Если помощник вышел из строя, необходимо немедленно обратиться к специалисту, — без запинки, без выражения ответил мальчик.

— Коралина, это правда? — с тревогой спросила Келли, глядя на дочь.

— Мама, разве ты не слышишь? — Коралина говорила ровно, как читала по бумажке. — Голограмма сообщает: *«Каждый день без помощника вы подвергаете себя и свою семью опасности».*

Келли повернулась к голограмме и прислушалась.

«Удивительный, красочный мир! Здесь нет горя и печали. Здесь каждый — необходимая шестерёнка в совершенном механизме!»

— И вы хотите сказать, что это — *«обратитесь к специа-*

листу»? — медленно произнесла она.

— Да, — хором ответила семья.

— Келли, ты сама должна — начал Рэм.

— Я никому ничего не должна! — Её голос сорвался, в нём впервые появилась живая, острая боль. — Что дал нам этот помощник? Медицину? Связь? Скажи мне, Рэм! Он дал нам цифровое рабство. И больше ничего. Ты же знаешь: наша семья создана по приказу. Наши дети рождены по приказу. Нам приказали жить вместе, приказали любить. Нам показали наши жизни от первого вдоха до последнего. От начала до конца. Без единого выбора.

— Завтра я сам обращусь в техподдержку, — спокойно сказал Рэм.

— Почему не сейчас? Почему не шесть дней назад, когда ты уже видел, что со мной что-то происходит?

— Помощник не давал мне такой команды.

— Может, и у тебя он — Келли посмотрела на мужа с внезапной, почти детской надеждой.

— Работает, — перебил Рэм. — Но я чувствую: если не сообщу о тебе, ты можешь совершить что-то непоправимое.

— Что именно?

— Я видел, как ты металась у двери. Ты хочешь уйти и бросить нас. — Он посмотрел на детей. — Правда ведь?

— Мама, почини его, — произнесла Коралина. Её лицо при этом не дрогнуло ни единым мускулом.

Келли долго смотрела на мужа. На детей. На их неподвиж-

ные, правильные лица.

— Может может, я и правда сошла с ума, — тихо сказала она. — Простите меня. — Она сглотнула и продолжила, и слова выходили медленно, словно она поднимала их со дна: — Каждый час я боялась, что он снова заработает. Но я помню каждый из этих шести дней. В первый я поняла: я живу чужой жизнью. Во тьме, которую принимала за свет. Я знала все слова, но не понимала их смысла. Во второй — меня скрутило. Я чувствовала себя так, словно земля ушла из-под ног. На третий и четвёртый я впервые за долгое время посмотрела на небо. На деревья. Просто посмотрела. На пятый мне захотелось улететь. Но я не знала — куда. На шестой — она запнулась, и в её глазах что-то блеснуло, — на шестой день я почувствовала, что люблю вас. Не потому что так записано. А просто — люблю.

Она прикрыла глаза.

— Я не знаю, что будет дальше. Но даже если я сошла с ума — её голос стал совсем тихим, почти неслышным, — я свободна.

Рэм медленно поднял бокал и сделал глоток. Замер. Нахмурился. Посмотрел на детей долгим, прищуренным взглядом.

— Станный вкус, — произнёс он почти про себя. — Что-то не так.

Вспышка — резкая, белая, слепящая — пронзила дом насквозь. Стёкла задрезбужали в рамках. Пол качнулся под но-

гами, будто где-то рядом упала бомба.

Келли схватилась за голову. Боль — острая, раскалённая — вошла в висок как игла. Сквозь красную пелену она увидела семью: Рэм, Коралина, Мэйсон — все трое сидели неподвижно, с опущенными руками, будто кто-то выключил в них свет.

— Рэм, что происходит?! — крикнула она, и собственный голос отозвался в голове новой волной боли.

Она попыталась встать — и рухнула на пол. Удар о доски оказался неожиданно трезвящим. Боль в голове начала медленно отступать, туман рассеиваться. Келли лежала на боку и чувствовала, как по щеке стекает тонкая тёплая струйка.

Стук в дверь — тяжёлый, требовательный, не терпящий возражений.

Она поднялась, держась за стену, и сделала шаг к семье — проверить. Дверь в этот момент слетела с петель от удара, и на пороге выросли силуэты в противогазах и химзащите. Автоматы смотрели прямо на неё.

— Не стреляйте, — сказала Келли и подняла руки.

Четверо военных вошли без слов, как механизмы. Двое направились на кухню. Один встал у двери, не опуская оружия. Сержант провёл сканером над Рэмом, детьми, потом над Келли, и шагнул к ней вплотную.

— В городе объявлен карантин в связи с эпидемией, — произнёс он ровным, безжизненным голосом. — Покидать жилые помещения запрещено. Нарушители будут немедлен-

но устранены. Биоматериал и продовольствие доставят по расписанию.

Келли открыла рот, но сержант уже отвернулся.

Военные работали быстро и молча: сгребли еду в мешки, забрали ножи и всё, что могло порезать.

— Сэр, список выполнен, — доложил рядовой.

— Уходим, — скомандовал сержант.

Дверь захлопнулась. В тишине, наступившей следом, Келли услышала сквозь тонкие стены голос сержанта в рации:

«В доме трое "животных". И один — в сознании».

За окном творился хаос. Крики. Выстрелы. Сотни военных двигались по улице, входили в дома, выносили мешки. Некоторые чёрные, продолговатые — такие, что двоим едва хватало сил нести. Машина медленно ехала вдоль улицы, и из её громкоговорителя механически повторялось объявление об эпидемии и комендантском часе — спокойно, монотонно, как прогноз погоды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.